

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В
ГЛАГОЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА**

В.Д. Стариченок

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима
Танка*

Исследуются деструктивные глагольные номинации белорусского языка, которые в определенной степени отражают специфику белорусского менталитета, а также определенный фрагмент процессуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Цель исследования – рассмотреть феномент деструктивности и специфику его репрезентации в глагольном лексическом корпусе. Впервые установлены модели семантической деривации, в реципиентной сфере которых представлены номинации со значением разрушения нематериальных объектов, смерти человека, прекращения межличностных отношений, душевного и физического дискомфорта, агрессивного поведения, а также актуализируются гнев, ненависть, зависть и другие аспекты эмоциональной сферы. Многие из моделей демонстрируют регулярную воспроизводимость вторичных номинаций, которые образуются от тождественных по смысловому содержанию первичных значений и тем самым позволяют предугадать направление смыслового коридора, предсказать сценарии развития семантики лексических единиц. Результаты вносят определённый вклад в теорию семантической деривации и могут использоваться в лексикографической деятельности, практике преподавания белорусского языка.

Ключевые слова: белорусский язык; глагол; деструктивность; номинация; семантическая деривации; метафора; модель.

**LEXICAL MEANS OF EXPLICATION OF DESTRUCTIVENESS IN THE
VERBAL CONTINUUM OF THE BELARUSIAN LANGUAGE**

V.D. Starichenok

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, st. Sovetskaya, 18,
220030, Minsk, Belarus, starichenok@mail.ru*

The destructive verb nominations of the Belarusian language, which to a certain extent reflect the specificity of the Belarusian mentality, as well as a certain fragment of the processual worldview and the national linguistic view of the world, are investigated. The purpose of the research is to consider the phenomenon of destructiveness and the specifics of its explication in the verbal lexical corpus. Models of semantic derivation have been established for the first time, and in the recipient sphere of them nominations are presented with the meaning of destruction of intangible objects, death of a person, termination of interpersonal relationships, mental and physical discomfort, aggressive behavior, and anger, hatred, envy and other aspects of the emotional sphere are also actualized. Many of the models demonstrate the regular reproducibility of secondary nominations, which are formed from primary meanings that are identical in semantic content and thus make it possible to predict the direction of the semantic corridor, to predict scenarios for the development of the semantics of lexical units. The results make a certain contribution to the theory of semantic derivation and can be used in lexicographic activities and in the practice of teaching the Belarusian language.

Key words: Belarusian language; verb; destructiveness; nomination; semantic derivation; metaphor; model.

Современный мир характеризуется деструктивными процессами, связанными с «перекройкой» физико-географических карт, политическими, экономическими, религиозными конфликтами, активизацией террористических актов, эскалацией дезинтеграционных процессов, распространением коронавируса и др. Особенно уязвимой оказалась информационная сфера. В 2019 г. утверждена «Концепция информационной безопасности Республики Беларусь», которая призвана консолидировать усилия государства и общества, направленные на повышение эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере в условиях глобальной информатизации, на обеспечение национальной безопасности и противодействие деструктивному языково-информационному воздействию на все слои общества. Белорусский язык, как отмечается в Концепции, способствует повышению национальной идентичности белорусского общества и формированию его духовности. Расширение социальных функций и коммуникативных возможностей белорусского языка, его полноценное и всестороннее развитие вместе с другими элементами национальной культуры выступают гарантом гуманитарной безопасности государства.

Одним из наиболее распространенных способов представления категории деструктивности являются лексические единицы со значением повреждения, разрушения, которые широко используются в белорусском художественно-публицистическом дискурсе. Такие деструктивные номинации обозначают наиболее важные для жизни действия и процессы, могут считаться одними из самых важных, ключевых слов современной эпохи.

Лексико-семантическая группа глаголов деструкции и разрушения исследовалась в работах, где основное внимание уделялось различным аспектам семантики и функционирования глаголов обработки, действия, физического воздействия, лишения жизни и др. [1; 2; 3; 4]. Некоторые авторы анализировали деструктивные номинации на материале английского, немецкого языков, а также в сопоставительном и когнитивном аспектах [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Тема вторичных деструктивных номинаций в белорусском языкознании представлена разделом из монографии В.Д. Стариченка [11, с. 143–192]/

Наиболее ярко деструктивная деятельность выражается в глагольных единицах со значением физического действия, направленного на объект, в результате которого он полностью уничтожается, разрушается или нарушает свою структурную целостность на макро- или микроуровне.

Семантические структуры таких глаголов фиксируют широкий диапазон деструктивности, от незначительного повреждения предметов или объектов до их полного разрушения. В основу деструктивных отличий положены логико-концептуальные категории меры: случаи, когда объект частично разрушен и может быть восстановлен, относятся к категории повреждений; деструктивное воздействие, сопровождающееся изменением структуры объекта, считается разрушением; деструктивное воздействие, когда объект перестает существовать, относится к числу уничтожений. Разрушение может быть механическим, физическим, температурным, химическим, биологическим, микробным, саморазрушающим, амортизационным и т. д. Это процесс направлен на преобразование сложной структуры в простую, переход от разнообразия к единообразию, от жизни к смерти, уничтожению.

В дефинициях различных словарей указываются такие существенные признаки деструкции, как разрушение, ликвидация, уничтожение, повреждение, деформация, разделение, членение, обработка, изменение и др. Маркеры основных видов поражения проявляются в следующих формах:

а) полное уничтожение, ликвидация: *знішчыць, загубіць, забіць, спустошыць, утапіць, спаліць, разграміць, узарваць, разбамбіць, разбурыць;*

б) нанесение ударов: *ударыць, біць, дубасіць, калаціць, лупіць, сцябаць, хвастаць, дзяўбіць*;

в) давление на предмет: *ціснуць, камячыць, таптаць*;

г) сгибание, скручивание: *гнуць, карабаціць*;

д) резкое движение: *дзерці, ірваць, раздзіраць, церабіць, тармасіць, трапаць, тузаць*;

е) влияние природных условий: *гниць, прэць, тлець, блякнуць, вянуць, ліняць*;

ж) трение: *цёрці, скрэбіць, шараваць*;

з) горение: *паліць, гарэць, шугаць, палаць*;

и) действие с помощью острого режущего инструмента: *рэзаць, секчы, габляваць, часаць, стрыгчы, галіць, калоць, драпаць*.

Глаголы с исходным значением деструкции образуют одну из наиболее развитых лексико-семантических групп и характеризуются тенденцией к развитию целой сети однотипных метафорических значений, образованных по регулярным семантическим моделям. В зависимости от принадлежности итогового (производного) лексико-семантического варианта (в дальнейшем – ЛСВ) к той или иной тематической группе выделяются следующие модели:

1. Модели социальных действия и межличностных отношений (*тузаць, церабіць, тармасіць, бамбіць, бамбардзіраваць, грызці, дзяўбіць, спустошыць, атруціць, згарэць, разбурыць, разваліць*).

2. Экзистенциальные модели (*гнуць, ламаць, калаціць, сцябаць, тузаць, трапаць*).

3. Эмоционально-психологические модели (*гарэць, паліць, біць, скрэбіць, грызці, тузаць, ударыць, тармасіць, узарваць, карабаціць, спаліць, патаніць, утаніць, брыкацца*).

4. Модели боли и физического дискомфорта (*паліць, гарэць, палаць, шугаць, біць, ударыць, ціснуць, рэзаць, тузаць, расколвацца*).

5. Метеорологические модели (*біць, ударыць, лупіць, лупянуць, сцябаць, шугаць, хвастаць, шарахнуць, трапаць*).

6. Звуковые модели (*біць, лупіць, паліць, ударыць, узарваць, шарахнуць, шугаць*).

7. Колоративно-люминальные модели (*гарэць, палаць, шугаць*).

8. Одорические и зрительные модели (*ударыць, біць, драць, рэзаць*).

Большинство метафорических обозначений характеризуется отрицательной коннотацией и высокой степенью выразительности. Чаще всего изображаются такие действия и качественные показатели, как прекращение межличностных отношений, агрессивное поведение человека, психический и физический дискомфорт, определенные переживания, беспокойство, волнение, гнев, ненависть, зависть и др. Довольно часто глаголы вполне определенных разрушительных физических действий и состояний становятся востребованными для обозначения более сложных абстрактных процессов, элементов мышления, логических, сенсорных и эмоциональных компонентов широкого ментального пространства. В некоторых случаях деструктивные номинации образуют сложные семантические структуры, которых включают несколько десятков вторичных ЛСВ. В процессе моделирования таких многокомпонентных структур выделяются разные семантические центры, которые связывают деструктивные и недеструктивные фрагменты единого акционального континуума.

В группу деструктивных номинаций включаются мортальные глаголы (лат. *mors, mortis* ‘смерть’, *mortalis* ‘смертельный’), обозначающие полную и окончательную остановку жизненного процесса: *памерці, забіць, загінуць, атруціць, задушыць, расстраляць*. Такие глаголы в процессе своего функционирования отличаются избирательностью. Использование определенных лексических единиц с более

конкретным специализированным значением оправдано экстралингвистическим фактором, который выделяет следующие маркеры смертного процесса:

а) способ проведения действия (воздействие на объект): стрельба (*застрэліць, прыстрэліць*), остановка дыхания (*задушыць, навесіць*), разделение на части (*чацвертаваць, чвартаваць*), воздействие массой (*раздавіць, раздушыць*), воздействие ядовитых веществ (*атруціць*), использование животных (*загрызіць, задраць, разарваць, задзяўбіць, забадаць*);

б) характер цели: смерть объекта (*забіць, дабіць*), наказание (*пакараць, гільяцінаваць, калесаваць, распяць*), убийство с утилитарными целями (*забіць, закалоць, зарэзаць, зарубіць*);

в) инструменты: холодное оружие (*закалоць, зарэзаць, зарубіць, засячы, захвастаць*), огнестрельное оружие (*закалоць, зарэзаць, зарубіць, засячы, захвастаць*), специальное колесо (*калесаваць*), гильотина (*гільяцінаваць*);

г) средство: ядовитое вещество (*атруціць*), пуля, снаряд, бомба (*расстраляць, узарваць*).

Не имеют указания на причинную ситуацию и специальный способ физического воздействия на объект и используются с обобщенной семантикой глаголы *паме́рці, забіць, загінуць, знішчыць, зніштожыць, замучыць, загубіць, ліквідаваць, лінчаваць* и др.

Интегральная сема 'лишить жизни' в наиболее обобщенном виде реализуется в глаголах *паме́рці, загінуць*, которые доминируют в группе со значением смерти. Эти глаголы выполняют роль гиперонимов и могут заменить практически любую гипонимическую единицу более конкретным значением физического разрушения: *загінуць, паме́рці* → *забіць, расстраляць, атруціць, навесіць, зарэзаць*. Это свидетельствует о дифференциации моральных номинаций и их целенаправленном использовании в определенных дискурсах.

Корпус моральных номинаций образуют глаголы, которые в зависимости от семантического содержания и способности образовывать вторичные лексико-семантические варианты или заимствовать их из других тематических континуумов делятся на три группы: а) моносемические моральные глаголы; б) полисемические глаголы, где на основе первичных моральных значений образуются вторичные лексико-семантические варианты неморального содержания; в) глаголы разных тематических групп, в семантических структурах которых моральные значения являются вторичными, образуются в результате действия обратной семантической модели.

В первую группу входят глаголы с исходной моральной семантикой: *здырдзіцца, апрэ́гчыся, спруцянець, забадаць, засячы, засе́кчы, закатаваць захвастаць*.

Вторая группа состоит из глаголов, характеризующихся способностью образовывать вторичные значения, отражающие различные действия и процессы, не связанные со смертью. Так, в семантической структуре глагола *паме́рці*, который означает смерть по любой причине и при любых обстоятельствах, закреплены два смысловых центра. Первый из них касается прекращения физического существования человека. Во втором смысловом центре упор делается на духовные константы и те вещи, которые бесследно исчезают (*дело не умрет и будет процветать вечно*), а также на физические и духовные качества человека, невозможность избавиться от каких-либо чувств, определенных впечатлений, что приводит к разочарованию, отчаянию, определенной депрессии (*умереть от страха, умереть от стыда*).

В третью группу моральных глаголов входят лексические единицы, первичные ЛСВ которых не связаны с показателями летального действия. Обычно такие глаголы выражают различные процессы и действия, которые в результате семантической деривации эксплицируются в модифицированной форме в реципиентной сфере и более

подробно характеризуют смертельный исход. В процесс семантической деривации включаются первичные значения глаголов, которые связаны с негативными действиями в воде, на земле, в воздухе и огне: *утаніць* ‘погрузить в воду, утонуть’→ ‘загубить чью-то жизнь, насильно бросив в воду’, *згарэць* ‘уничтожить огнём’→ ‘умереть (от невзгод, перенапряжения или болезни’, *згаснуць* ‘перестань гореть’→ ‘умереть’. Вторичные мортальные значения засвидетельствованы у глаголов *звесці, задраць, шлёпнуць, укласці, улажыць, навесіць, раздавіць, раздушыць, затаптаць, разбіцца, загнуцца, скапыціцца*.

Таким образом, вторичные деструктивные номинации занимают важное место в белорусском языковом континууме и широко используются в художественных и публицистических текстах. Они в определенной степени отражают специфику белорусского менталитета, а также определенный фрагмент процессуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Исходные ЛСВ характеризуются глубоким семантическим потенциалом и экстраполируют часть деструктивной семантики в реципиентную метафорическую сферу, которая характеризуется антропоцентризмом, ориентированием на человека и отражает сферы социальной жизни, относительно независимые подсистемы человеческой деятельности, те фрагменты бытия, которые связаны с существованием и взаимодействием людей в социуме. Большинство метафорических обозначений характеризуется отрицательной коннотацией и высокой степенью экспрессивности. Наиболее распространенными являются номинации со значением разрушения нематериальных объектов, прекращения межличностных отношений, искоренения каких-либо социальных явлений, выявления причин душевного и физического дискомфорта. Во вторичных ЛСВ часто репрезентируются агрессивное поведение, представления о негативных факторах и ситуациях, актуализируются гнев, ненависть, зависть и другие аспекты эмоциональной сферы. В некоторых случаях вторичные ЛСВ помечаются болевыми, метеорологическими, звуковыми, колоративными, темпоральными и другими маркерами.

В группу деструктивных глаголов включаются мортальные лексические единицы, отражающие важные для любого общества экзистенциальные концепции, связанные с завершением жизни человека. В белорусском языке такие глаголы образуют открытую лексико-семантическую группу из почти 60 лексических единиц. Глаголы с показателями летального исхода активно входят в физические, эмоциональные, социальные, ментальные, интеллектуальные, политические и другие тематические группы.

Список источников

1. Бураихи, Ф. К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке (системные и функциональные характеристики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ф.К. Бураихи; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 23 с.
2. Ивлиев, И. В. Лексикографическое описание глаголов со значением лишения жизни в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. В. Ивлиев; Ин-т русского языка РАН. – М., 1998. – 23 с.
3. Труфанова, М. Ю. Лексико-семантическая группа глаголов обработки в современном русском языке (парадигматика и синтагматика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Ю. Труфанова; Барнаул. гос. ун-т. – Барнаул, 1999. – 21 с.
4. Фаткуллина, Ф. Г. Деструктивная лексика в русском языке / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа: ИПК, 1999. – 300 с.

5. Баранчеева, Е. И. Метафоризация русских глаголов обработки как интерпретационный механизм (в сопоставлении с английским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. И. Баранчеева; Новосибирск. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – 22 с/
6. Кашкарова, О. В. Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Кашкарова; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 22 с.
7. Кузьмина, С. Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / С. Е. Кузьмина; Нижегород. гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.
8. Разова, Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Разова; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2003. – 20 с.
9. Султанова, А. П. Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. П. Султанова; Казан. гос. ун-т. – Казань , 2008. – 22 с.
10. Хакимзянова, Д. Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д. Ф. Хакимзянова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2008. – 23 с.
11. Старычонак, В. Д. Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2022. – 316 с.

References

1. Buraihi, F. K. Glagoly destruktivnogo vozdejstviya v sovremennom russkom yazyke (sistemnye i funkcional'nye harakteristiki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / F.K. Buraihi; Voronezh. gos. un-t. – Voronezh, 2011. – 23 s.
2. Ivliev, I. V. Leksikograficheskoe opisanie glagolov so znacheniem lisheniya zhizni v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / I. V. Ivliev; In-t russkogo yazyka RAN. – M., 1998. – 23 s.
3. Trufanova, M. YU. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov obrabotki v sovremennom russkom yazyke (paradigmatika i sintagmatika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / M. YU. Trufanova; Barnaul. gos. un-t. – Barnaul, 1999. – 21 s.
4. Fatkullina, F. G. Destruktivnaya leksika v russkom yazyke / F. G. Fatkullina. – Ufa: IPK, 1999. – 300 s.
5. Barancheeva, E. I. Metaforizaciya russkih glagolov obrabotki kak interpretacionnyj mekhanizm (v sopostavlenii s anglijskim yazykom): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / E. I. Barancheeva; Novosibirsk. gos. un-t. – Novosibirsk, 2007. – 22 s/
6. Kashkarova, O. V. Frejm «razrushenie» i ego reprezentaciya glagol'nymi leksemami v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / O. V. Kashkarova; Belgorod. gos. un-t. – Belgorod, 2006. – 22 s.
7. Kuz'mina, S. E. Semantika anglijskih glagolov so znacheniem unichtozheniya: avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.04 / S. E. Kuz'mina; Nizhegor. gos. un-t im. N. A. Dobrolyubova. – Nizhnij Novgorod, 2006. – 24 s.
8. Razova, E. V. Semantika i valentnost' glagolov razrusheniya v sovremennom nemeckom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / E. V. Razova; Tambov. gos. un-t. – Tambov, 2003. – 20 s.

9. Sultanova, A. P. Polisemiya glagolov destrukcii v ruskom i anglijskom yazykah : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / A. P. Sultanova; Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2008. – 22 s.
10. Hakimzyanova, D. F. Semanticheskaya derivaciya glagolov fizicheskogo vozdejstviya na ob"ekt v ruskom, tatarskom i anglijskom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / D. F. Hakimzyanova; Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2008. – 23 s.
11. Starychonak, V. D. Semantychnaya prastora dzeyaslovaŭ belaruskaj movy (na materyyale drugasnyh naminacyj) : managrafiya / V. D. Starychonak. – Minsk : BDPU, 2022. – 316 s.